

Александр Александрович Иванов,
 доктор исторических наук, профессор,
 Иркутский государственный университет
 (664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1),
 e-mail: ottisk@irmail.ru

К определению численности и состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов

Статья посвящена решению важной научной проблемы – определению численности и социального состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов. Небольшое количество сохранившихся документальных материалов этого периода, воссоздающих лишь отдельные фрагменты жизни ссыльных, значительно усложняет решение поставленной задачи. Однако автору удаётся относительно точно обосновать количественные и качественные характеристики иркутской политической ссылки 1860-х годов. Делаются выводы о том, что: политическая ссылка данного периода измерялась несколькими десятками революционеров, что не позволяет назвать её «массовой»; революционеры попадали в Иркутскую губернию после значительного тюремного заключения в Европейской России и каторжных работ в Нерчинском горном округе; ссылка была в основном уделом дворянского сословия, среди сосланных доминировали студенты, гимназисты, учителя и врачи; хорошо прослеживается тенденция сравнительно быстрого возрастания в составе ссыльных разночинцев; абсолютное большинство «шестидесятников» были сосланы в пределы губернии по приговорам судов. С учётом географической «разбросанности» ссыльных, а также различных сроков поступления в пределы губернии, автором сделан вывод о том, что политические ссыльные этого периода были ещё сравнительно редким явлением в данном регионе.

Ключевые слова: политическая ссылка, административная высылка, поселения, Иркутская губерния

Aleksandr A. Ivanov,
 Doctor of History, Professor,
 Irkutsk State University
 (1 Karla Marxa st., Irkutsk, 664003, Russia),
 e-mail: ottisk@irmail.ru

To Determination of the Number and Structure of the Political Exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s

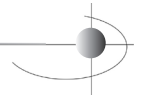
The article is devoted to the solution of an important scientific problem – determination of the number and social composition of the political exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s. A small amount of the remained documentary materials of this period recreating only separate fragments of life of the exiled considerably complicates the solution of the problem. However, the author manages to prove rather precisely quantity and quality characteristics of the Irkutsk political exile of the 1860s. Conclusions that are drawn: the political exile of this period was measured by several tens of revolutionaries and this fact does not allow us to call it “mass”; revolutionaries got to Irkutsk Governorate after considerable imprisonment in the European Russia and a hard labor in Nerchinsk mountain district; the exile was generally destiny of nobility, there were students, gymnasium students, doctors and teachers among the exiled; the tendency of rather fast increase of commons among the exiled is well traced; vast majority of “men of the sixties” were exiled to the governorate under the court sentences. Taking into account geographical “dispersion” of the exiled and also various terms of their arrival in the governorate, the author has drawn a conclusion that the political exiled of that period were still rather unusual occurrence in this region.

Keywords: political exile, administrative exile, settlements, Irkutsk Governorate

Установление численности и состава государственных преступников, размещённых в Сибири, в том числе на территории Иркутской губернии 1860-х гг., сложная научная задача, поставленная впервые, по всей видимости, ещё в советский период. Так, в 1978 г. Л. А. Ушакова, признанный специалист в области изучения историографии народнической ссылки, отмечала, что «статистическая разработка политической ссылки» этого периода «только началась» [10, с. 53].

Несмотря на внушительное число монографий, изданных с тех пор, мы должны констатировать, что эта задача по-прежнему далека от своего решения.

Такое состояние нашей темы объясняется сложностью документальной базы: в 1860-е гг. система политической ссылки только складывалась, соответственно и порядок надзора не имел чёткого бюрократического учёта, а главное, периодической отчётности. Следствием такого положения дел явилось

отсутствие в современных архивах исчерпывающих сведений о количестве и поименном составе «невольных гостей Сибири».

Недостатки организованной статистики привели к тому, что в деле определения количественных и качественных показателей поселенцев и каторжан за 1860-е гг. историки, пытаясь заменить источники официального происхождения, использовали иные документы – мемуары, периодику, публицистику, а также исследования современников, непосредственных участников тех событий. Такое «совмещение несовместимого» не могло не сказаться на определении итоговых цифр – подсчёты специалистов существенно разнятся.

Так, один из первых исследователей сибирской политической ссылки американский журналист Дж. Кеннан, говоря о статистике ссылных в Сибирь за период с 1823 по 1887 гг. и рассматривая при этом разряды и категории осуждённых, особо выделяет политических, утверждая, что в это время их ежегодное число едва достигало 150 чел. [4, с. 24]. А. В. Дулов ещё в 1973 г. на основании «большого количества опубликованных и архивных материалов» сумел составить картотеку политических ссылных-шестидесятников, в которой обозначил 88 революционеров, высланных в Сибирь в 1860-е гг. При этом, как указывает исследователь, на Восточную Сибирь приходилась «основная масса» ссылных [3, с. 22–23].

Л. П. Роцевской принадлежат иные, значительно меньшие цифры – 35 чел. за два десятилетия, учитывая 1860 и 1870-е гг. Интересно, что по данным исследователя, Сибирь во второй половине XIX в. никогда не лидировала по числу политических ссылных: в 1861–1870-х гг. 23,85 % всех политических ссылных страны (100 % – 348 чел.) государство отправляло на Европейский Север; 13,79 % – в Поволжье, 13,5 % – в центральные губернии (т. е. «на родину» ссылаемого); 12,7 % – в Приуралье. На долю же Западной и Восточной Сибири приходилось, по её подсчётам, только 3,45 и 6,61 % ссылных. Лишь к концу века масштабы ссылки «политиков» в регионы Европейской России заметно снизились, уступив первое место Сибири, однако по-прежнему туда поступало от 40 до 30 % всех ссылных империи [7, с. 81, 98].

М. Н. Гернет в составленной им таблице политических заключённых Алексеевского равелина и Шлиссельбургской крепости относительно 1860-х гг. приводит 60 фамилий, из них отправлен в ссылку был 21 чел., в том

числе в Сибирь – 10 [1, с. 351–358, 397–403]. А. Д. Марголис, исследуя численность и социальную структуру политических каторжан 1860-х гг., оперирует 44 биографиями [6, с. 185].

Следует также отметить, что вопрос о численности политических ссылных в Сибири – и в первую очередь это относится к 1860-м гг., – всегда был в советской историографии излишне политизирован. Идеологические соображения здесь заслоняли научную истину и реальную картину. Дело в том, что в отечественной исторической науке безгранично господствовала ленинская периодизация революционного движения, согласно которой 1859–1861 гг. были временем первой революционной ситуации в России. А какая революция без репрессий и жертв?! В этом положении и историкам, и публицистам просто необходимо было показать Сибирь «краем изгнания». Отсюда – нереальные, нередко фантастические цифры и количества ссылных. Например, у В. Н. Дворянова читаем: «Царское правительство пулями и штыками подавляло выступления трудящихся. Многих из них сослали в Сибирь на каторгу и в ссылку. Так, за 20 лет (1862–1881) количество ссылных перевалило за 296 тыс.» [2, с. 93].

Часть современных исследователей, некритически относясь к выводам учёных советского периода, также считают политическую ссылку середины XIX в. «массовой». Так, авторы «солидной» современной монографии «Сибирь в составе Российской империи» (отв. ред. Л. М. Дамешек и А. В. Ремнев) бездоказательно утверждают, что в начале 1860-х гг. «сибирская политическая ссылка всё больше приобретала массовый характер», «охватывая практически все слои российского общества» [9, с. 294–295]. Между тем общеизвестно, что «революционная ситуация» 1859–1861 гг. не привела к революции, подлинное оппозиционное движение только начиналось и носило, во всяком случае до выстрела Д. Каракозова, скорее теоретический и пропагандистский характер, а значит, было уделом незначительной части интеллигенции.

Следует иметь в виду и то, что советская историография «массовой ссылкой» совершенно обоснованно считала политическую ссылку более позднего периода, а именно 1907–1917 гг., когда, по образному выражению Я. М. Свердлова, в Сибирь действительно «пошла масса», захваченная Первой русской революцией [8, с. 65]. До сих пор это положение никто не опроверг, а значит,

по-прежнему следует считать его общепринятым.

На наш взгляд, единственно правильным подходом в определении количества политических ссыльных 1860-х гг. следует признать то, что оно не могло быть больше известного числа революционеров в целом, осуждённых судом или высланных административно из Европейской России. Исходя из этого, обратимся к подсчётам В. Р. Лейкиной-Свирской, основанным, в свою очередь, на сборнике Б. Базилевского (В. Богучарского) и данных В. А. Дьякова: в 1860-х гг., считает автор, в стране состоялось 22 судебных процесса, по которым было «сослано в отдалённые места (в Сибирь и проч.)» 35 «гражданских» и 67 «военных» ссыльных, а всего, значит, 102 чел. (автор, правда, говорит ещё о 136 «высланных по суду и административно с отдачей под полицейский надзор», но из текста можно предположить, что это не сибирские ссыльные) [5, с. 307–310].

Итак, на 1860-е гг. приходится чуть больше ста человек. Конечно, нам следует учесть и высланных в Сибирь административно, без поражения имущественных, гражданских прав и привилегий, однако надо иметь в виду, что таких в этот период насчитывалось немного, и лишь с середины 1870-х число административных становится заметным. Надо также учитывать, что на практике количество отбывавших наказание ссылкой в Сибири было всегда меньшим, так как благодаря различным обстоятельствам, например хлопотам родных, болезням осужденных, протекциям и отсрочкам, не все отправленные за Уральский камень достигали мест своего поселения.

Теперь вернёмся к «политикам», находившимся в пределах Иркутской губернии. Понятно, что их число должно было быть значительно меньше общесибирских показателей, однако исчерпывающих сведений и здесь, к сожалению, нет: большая часть материалов нашего периода была утрачена в иркутских пожарах 1879 г., а то, что уцелело – пропало в 1917–1922 гг.: немалую долю своих архивов жандармы успели сжечь в начале марта 1917 г., часть документов тогда же была изъята представителями Советской власти и использовалась для поиска провокаторов и агентов Охранного отделения, а затем, по всей видимости, перешла в распоряжение ОГПУ.

Так или иначе, но мы не имеем сегодня исчерпывающих архивных сведений о численности политических ссыльных в Ир-

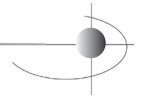
кутской губернии 1860-х гг. В этой ситуации придётся довольствоваться отрывочными данными, а также обратиться к материалам, собранным и изданным значительно позже исследуемых событий. Среди них наиболее информативным и достоверным источником может служить словарь «Деятели революционного движения в России».

Как известно, этот биобиблиографический словарь был издан по инициативе и при активном участии Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1927–1933 гг. Словарь содержит, по нашим подсчётам, не менее 15 тыс. биографических справок, составленных в виде унифицированных карточек на «видных» и рядовых участников революционного движения. Следует подчеркнуть, что авторский коллектив весьма тщательно подходил к формированию документальной базы. Здесь были использованы различные материалы, исходившие в основном от правоохранительных и судебных органов империи, а также уже опубликованные данные, и в первую очередь, личного происхождения. Ценность сведений этого издания повышает и то, что анкеты революционеров тщательно проверялись специальными комиссиями, а также самими бывшими ссыльными, объединёнными в землячества, в том числе «иркутянами», «верхнеудинцами», «читинцами», «якутянами».

Анализ первых семи томов словаря, относящихся к 1860–1890-х гг., дал нам биограммы 319 революционеров, отбывавших наказание ссылкой в Иркутской губернии. При этом на 1860-е гг. приходится лишь 21 фамилия. Можно предположить, что это неполные данные, однако они хорошо соотносятся с уцелевшими архивными материалами. Так, согласно отчёту Иркутского генерал-губернатора за 1859 г., здесь состояло под надзором полиции всего 23 чел., в 1860 г. – 22, «из них в течение года выбыло 6, осталось к 1861 г. – 16». В отчёте за 1862 г. показано 56 поднадзорных, «из них 2 государственных преступника и 12 политических»¹.

При определении общего количества ссыльных в Иркутской губернии следует учесть и оставшихся здесь после амнистии 1856 г. государственных преступников. Так, в пределах губернии по-прежнему проживали декабристы. Таковых, по нашим подсчётам, было четверо: П. Ф. Выгодковский (Дунцов), находившийся в Иркутске; В. Ф. Раевский, живший в с. Олонки Идинской волости;

¹ ГАИО. – ф. 24. – Оп. Оц. – д. 638. – л. 22; д. 644. – л. 15; д. 639. – л. 24.

В. П. Колесников (в Иркутске) и Д. П. Таптыков, умерший в Мальшовке после 1864 г.

Кроме первых «дворянских революционеров» здесь жили и амнистированные петрашевцы. Это Ф. Н. Львов, с февраля 1858 г. служивший в Главном управлении Восточной Сибири, Н. А. Спешнев, назначенный в 1857 г. начальником газетного стола Иркутского губернского правления, а затем редактором газеты «Иркутские губернские ведомости», и сам М. В. Буташевич-Петрашевский, живший в основном частными уроками. Однако они быстро покинули пределы Иркутской губернии: Н. А. Спешнев в начале 1860 г. выехал с Н. Н. Муравьевым в Петербург, в феврале этого же года Петрашевский был выслан М. С. Корсаковым в Минусинск, а Ф. Н. Львов, после пребывания в Олонках у В. Ф. Раевского, в 1863 г. выехал в Петербург.

Как видим, ни декабристы, ни петрашевцы заметно увеличить численность государственных преступников, отбывавших наказание ссылкой на территории Иркутской губернии в 1860-х гг., не могли. Общее число «политиков», таким образом, составляло здесь едва ли больше 30 чел. При этом с учётом их географической «разбросанности», а также различных сроков прибытия, следует сделать вывод о том, что политические ссыльные этого периода были ещё сравнительно редким явлением в данном регионе.

Учитывая задачи нашего исследования, будет вполне уместным привести здесь имена всех ссыльных-«шестидесятников». Итак: П. Д. Баллод, студент Медико-хирургической академии, Идинская волость, 1865 г.; П. А. Беневоленский, сын штаб-лекаря, Киренск, 1866 г.; П. А. Ветошников, преданный суду Сената за «сношения с лондонскими пропагандистами», Идинская волость, 1866 г.; Н. Викторов, учитель Лужского уездного училища, осуждённый за хранение запрещённых сочинений, 1862 г.; Н. М. Владимиров, потомственный почётный гражданин, наказанный за причастность к пропаганде и поселенный с 1866 г. в с. Оёк; П. Г. Заичневский, автор знаменитой прокламации «Молодая Россия», Витимская волость, 1864 г.; фельдъегерь И. С. Климов, Киренск, 1866 г.; П. А. Мартьянов, напечатавший в «Колоколе» письмо Александру II с требованием созыва Земской думы, за что и был наказан, 1865 г.; О. А. Мотков, сосланный за принадлежность к революционной организации «Ад», 1867 г.

Далее: В. А. Обручев, проживавший в Забайкалье, а потом в Урике и Иркутске, 1862 г.; К. В. Павловский, после причисления

к крестьянскому сословию занимавший должность ординатора в Иркутской гражданской больнице, 1865 г.; иркутянин Н. Пестерев «за сношения с лицами, принадлежащими к тайному революционному сообществу», высланный на родину, 1867 г.; И. И. Розенталь, после поселения в Мальте (1866), служивший в штате Иркутского губернского правления; Н. А. Серно-Соловьевич, доставленный в Иркутск больным и здесь умерший, 1866 г.; А. И. Скавронский, за «возбуждение крестьян» приговорённый к ссылке, 1860 г.; Д. Т. Степанов, арестованный по делу «о тайной типографии “Земли и Воли”», Илгинская волость, 1868 г.; Я. А. Ушаков, Усть-Кутский, затем Иркутский солеваренные заводы, 1863 г.; Н. Г. Чернышевский, находившийся несколько дней в Иркутске и Усолье, 1864 г.; А. О. Шукшта, проживавший в Братской волости с 1866 по 1871 гг.; А. П. Щапов – Иркутск, 1864–1876 гг.; и А. А. Яковлев, Николаевский железоделательный завод, 1863 г.¹

К иркутским ссыльным мы отнесли тех, кто был изначально направлен в пределы губернии по суду или административно, на каторгу или в ссылку, затем прибывших на поселение после отбытия наказания в Забайкальской или Якутской области, а также приписанных к крестьянскому или мещанскому сословию и проживавших здесь после окончания срока наказания, но находившихся под негласным (особым) полицейским надзором, существенно ограничивавшим их перемещение по стране и выбор места для постоянного жительства.

Сравнительно небольшое количество биограмм не позволяет провести исчерпывающий, достаточно репрезентативный социолого-статистический анализ, нарисовать подробный «портрет» государственного преступника, поэтому ограничимся выделением лишь некоторых особенностей и существенных черт иркутской политической ссылки этого периода.

Прежде всего, все отбывавшие наказание – мужчины, что точно отражает состояние революционного движения в России: в 1850–1860-х гг. женщины лишь вступали в активную борьбу с самодержавием. вполне закономерно и география участников движения: абсолютное большинство ссыльных

¹ Деятели революционного движения в России. От предшественников декабристов до падения царизма: биобиблиографический словарь / под общ. ред. И.А. Теодоровича [и др.]. – М.: ВООПИКС, 1928. Т. I: От предшественников декабристов до конца «Народной Воли». Ч. 2: Шестидесятые годы. Стб.: 27, 28, 35, 36, 63, 64, 66, 132, 169, 183, 238, 255, 287, 305, 307, 311, 353, 373, 375, 390, 391, 423, 448, 474, 475, 492, 494.

были выходцами из московско-петербургского района или западных губерний европейской части страны.

Большинство ссыльных были осуждены на каторжные работы, а затем на ссылку на поселение за организацию или деятельное участие в пропагандистской работе. Их вина заключалась лишь в том, что они составляли, хранили, распространяли воззвания и нелегальные статьи. Сюда же отнесены арестованные «за пособничество лондонским пропагандистам в сношениях их с соумышленниками». Часть ссыльных принадлежали к тем, кто принимал деятельное участие в леворадикальных обществах «Народная расправа» или «Ад», некоторые были наказаны «за знание о намерении Каракозова» и недонесение об этом властям.

Характерная особенность политической ссылки 1860-х гг. – подавляющее число составляли сосланные по суду. Внесудебной расправе подверглись только два революционера – Пестерев и Щапов, оба были высланы на родину. Немалая часть ссыльных – более половины – попали в Иркутскую губернию после отбытия наказания каторжными работами. При этом через казематы Петропавловской крепости прошёл каждый третий, другие отбывали каторгу в Нерчинском горном округе, прежде всего, в Александровском заводе.

Сроки каторги сильно разнятся – от 20 лет у А. А. Яковлева, восьми у П. А. Ветошникова, до 2,8 лет – у П. Г. Заичневского. При этом преобладают всё-таки сравнительно небольшие, не более пяти лет, каторжные сроки (П. А. Беневоленский, И. С. Климов, П. А. Мартьянов, В. А. Обручев, К. В. Павловский, Я. А. Ушаков). Следует отметить, что практически всегда (!) большие сроки каторжных работ, вынесенные судом, при конфирмации приговора государем существенно сокращались. Так было, например, с П. Д. Баллодом, О. А. Мотковым, Д. Т. Степановым, или вообще заменялись ссылкой на поселение (Н. М. Владимиров, Н. А. Серно-Соловьевич), что можно расценить как стремление государства к созданию благоприятного общественного мнения о царствующей династии, правительстве и существующем строе.

Большая часть иркутских ссыльных 1860-х гг. принадлежала к дворянскому сословию – дети статских советников и генералов и лишь четверых (что, в принципе, и

немало) можно определить разночинцами (сыновья священника, сельского дьячка, домашнего учителя, штаб-лекаря); двоих революционеров следует отнести к податному сословию: П. А. Мартьянов был из крепостных крестьян, а О. А. Мотков – «вольнотпущенным дворовым человеком».

Социальное положение ссыльных отличалось большой пестротой: здесь были студенты, чиновники, учителя, приказчики, купец, лекари. Можно совершенно определённо выделить группу военнослужащих. При этом среди военных были люди «в немалых чинах» – штабс-капитан, подполковник в отставке, а также поручик лейб-гвардии Измайловского полка (В. А. Обручев).

Не все ссыльные мирились с перспективой многолетнего вынужденного пребывания в пределах губернии. Однако именно в этот период отсюда пытался бежать только один О. А. Мотков¹. По дороге в Сибирь он сумел обменяться именем с поселенцем Бачинским и в марте 1867 г. бежал с этапного пункта в Нижнеудинске, но уже 23 апреля был задержан в окрестностях Иркутска.

В 1860-е гг. открывается и мартиролог иркутской ссылки. Не каждый выдерживал тяжёлые климатические и материально-бытовые условия. За этот период здесь умерло три человека: П. А. Мартьянов, 1865 год, Иркутская тюремная больница; О. А. Мотков – от чахотки, декабрь 1867 г.; Н. А. Серно-Соловьевич, февраль 1866 г.

Итак, Иркутская политическая ссылка 1860-х гг. была численно невелика: за десятилетие здесь побывало не более 30 революционеров. Политические ссыльные попадали в губернию после значительного тюремного заключения, среди них преобладали осуждённые на каторжные работы (12 из 21), которые они отбывали в основном в Нерчинском горном округе, а затем выходили на поселение в Иркутскую губернию. Ссылка была в основном уделом дворянской молодёжи, среди которой выделялось много городских средних слоёв – студентов, учащихся, служилой интеллигенции и чиновничества. Хорошо прослеживается при этом тенденция сравнительно быстрого возрастания в её составе разночинцев. Абсолютное большинство «шестидесятников» были сосланы в пределы губернии по приговорам судов.

¹ Автор статьи не считает отъезд М. Бакунина из Иркутска в начале 1861 г. «бегством» ссыльного из Сибири.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Том второй: 1825–1870. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. 511 с.
2. Дворянов В. Н. В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1971. 303 с.
3. Дулов А. В. Революционеры шестидесятых годов в Сибирской ссылке // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1973. Вып. 1. С. 21–26.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка (Очерки из жизни политических ссыльных). СПб., 1906. Ч. 1, 2. 302 с.
5. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 368 с.
6. Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М.: Латерна: Вита, 1995. 207 с.
7. Роцевская Л. П. История политических репрессий в царской России: учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. 138 с.
8. Сverdlov Я. М. Массовая ссылка (1906–1916 гг.) // В кн.: Избр. произв. В 3 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 65–87.
9. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.
10. Ушакова Л. А. Народническая сибирская ссылка 70–90-х годов XIX века в советской историографии 50–70-х годов // В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1978. С. 8–53.

References

1. Gernet M. N. Istorija carskoj tjur'my. Tom vtoroj: 1825–1870. M.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1961. 511 s.
2. Dvorjanov V. N. V Sibirskoj dal'nej storone... (Oчерki istorii carskoj katorgi i sсыlki. 60-e gg. XVIII v. – 1917 g.). Minsk: Nauka i tehnik, 1971. 303 s.
3. Dulov A. V. Revoljucionery shestidesjatyh godov v Sibirskoj sсыlke // Sсыl'nye revoljucionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1973. Vyp. 1. S. 21–26.
4. Kennan Dzh. Sibir' i sсыlka (Oчерki iz zhizni politicheskikh sсыl'nyh). SPb., 1906. Ch. 1, 2. 302 s.
5. Lejkina-Svirskaja V. R. Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka. M.: Mysl', 1971. 368 s.
6. Margolis A. D. Tjur'ma i sсыlka v imperatorskoj Rossii. Issledovanija i arhivnye nahodki. M.: Laterna: Vita, 1995. 207 s.
7. Roshhevskaja L. P. Istorija politicheskikh repressij v carskoj Rossii: ucheb. posobie. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2006. 138 s.
8. Sverdlov Ja. M. Massovaja sсыlka (1906–1916 gg.) // V kn.: Izbr. proizv. V 3 t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 65–87.
9. Sibir' v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe lit. obozrenie, 2007. 368 s.
10. Ushakova L. A. Narodnicheskaja sibirskaja sсыlka 70–90-h godov XIX veka v sovetskoj istoriografii 50–70-h godov // V kn.: Sсыlka i obshhestvenno-politicheskaja zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo HH v.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1978. S. 8–53.

Библиографическое описание статьи

Иванов А. А. К определению численности и состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 60–65.

Reference to the article

Ivanov A. A. To Determination of the Number and Structure of the Political Exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 60–65.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016